

БОЛЬШЕВИК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№

15 ЯНВАРЯ

1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 52987.

Москва.

Тираж 40.000 экз.

Гип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Ленинские заветы и съезд партии.

Работы XIV съезда нашей партии протекали перед второй годовщиной со дня смерти В. И. Ленина.

Вот уже в течение двух лет партия растет и крепнет, укрепляет диктатуру пролетариата и строит социализм без своего гениального вождя, без Ильича, но твердо идя по пути выполнения его заветов.

Только потому, что партия ни на шаг не сбивается с ленинских заветов, мы достигли тех крупных политических и хозяйственных успехов, которыми ознаменовались последние два года. Упрочилось наше международное положение, несмотря на затяжку революции в Европе; упрочилась и стоит непоколебимо диктатура пролетариата в нашей стране; произошел общий под'ем нашего народного хозяйства, рост производительных сил страны; вместе с тем, вырос и удельный вес социалистических элементов хозяйства во всей экономике страны; сильно выросли ряды партии за счет рабочих и т. д.

Это «мирное» строительство дается партии с огромными трудностями. В условиях нэпа, наш рост сопровождается также абсолютным (хотя и не относительным) ростом капитализма как в городе, так и в деревне, известным ростом классовых противоречий и некоторым усилением буржуазии.

В то же время и в среде нашей партии, единственной легальной партии в стране, в условиях мелко-буржуазного окружения, не могут от поры до времени не проявляться отдельные колебания, объективно отражающие собою давление этого социально чуждого пролетариату окружения. Это создает дополнительные, крайне серьезные трудности партии, вынуждая ее отдавать известные силы, время и внимание на борьбу с уклонами и извращениями ленинизма, отрывая эти силы, время и внимание от основных задач строительства социализма.

Такие дополнительные трудности, «накладные расходы» в деле строительства социализма в крестьянской стране встали и перед XIV съездом партии, который посвятил свои заседания почти исключительно борьбе с новой оппозицией.

В борьбе с этой оппозицией, представленной на съезде исключительно ленинградскими делегатами, подавляющее боль-

шинство съезда, как и подавляющее большинство всей партии, заняло последовательно-ленинскую позицию, отстаивая ленинские заветы против непонимания и искажения их оппозицией.

Крайне характерно при этом, что оппозиция проявила непонимание именно последних статей Ленина, которые вся партия рассматривает, как посмертные завещания Ильича партии («Как нам реорганизовать Рабкрин», «О кооперации» и др.). В этих посмертных статьях В. И. Ленин, несомненно, взвешивая каждое свое слово, формулировал перспективы нашего развития и основные задачи партии на целый период исторического развития.

Споры с оппозицией вращались прежде всего вокруг основного вопроса об оценке движущих сил революции.

Вот как перспектива развития классовых отношений в нашей стране рисовалась Владимиру Ильичу Ленину:

«Нечетко, в нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами (т. е. между двумя основными классами — рабочими и крестьянами. Ред.), тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики» (Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. Соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 115).

Каковы те два коренных, принципиальных положения, которые выдвигает здесь Ильич по вопросу об отношениях между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя основными классами в нашей стране? Эти положения таковы:

1. Раскол между ними «был бы губителен для Советской Республики»,—вот первое положение. О том же говорят слова: «В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними». Отсюда, из этой первой главной мысли вытекает главная практическая директива, которую дает Ильич партии: «внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол»,—укреплять союз рабочих и крестьян.

2. «Но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола» (т.-е. раскола между рабочими и крестьянами. Ред.),—говорит Ленин. Мы должны ясно видеть перед собой «двоякий исход».

Поскольку речь идет о внутренних движущих силах русской революции, Ленин исходит здесь из признания об'ективной возможности двух исходов классовой борьбы в России: рабочие, руководя крестьянами, построят социализм, или же буржуазия, обманув крестьян, восстановит капитализм. Это значит, что мы вполне можем,—внимательно следя за сохранением союза рабочих и крестьян, ведя правильную политику, не ошибаясь, или, по крайней мере, быстро поправляя те или иные ошибки, неизбежные при большой и трудной работе,—мы вполне можем избежать раскола между рабочим классом и крестьянством и строить социализм.

Чтобы в должной мере и степени оценить это второе кардинальное положение Ленина, отрицающее «неизбежность» раскола рабочих и крестьян в России, надо вспомнить как ставили и ставят этот вопрос меньшевики. Они видят не «двоякий исход», а один исход, они предрекают неминуемую гибель Советской власти от внутренних противоречий в нашей стране, считают переход крестьянства на сторону «нэпмановской» буржуазии об'ективно неизбежным и исходят в своих заключениях из основной посылки о технической и экономической отсталости России. Эта техническая и экономическая отсталость, при которой пролетариат составляет меньшинство населения, по прописям меньшевизма, делает абсолютно невозможным в нашей стране, на данной стадии ее развития, проведение социалистической революции; поэтому то, что мы имеем в России—не диктатура пролетариата, а «исторический казус»: то ли диктатура кучки захватчиков «над пролетариатом», то ли осуществление пролетариатом задач буржуазной (а не социалистической) революции; что это такое, мень-

шевики, впрочем, сами хорошенько не знают, и каждый толкует по своему.

Крестьянство покончит с советской властью неизбежно—такова оценка перспектив развития СССР меньшевиками, исходящая из догматического, упрощенного, якобы «марксистского» толкования отношений между «базисом» и «надстройкой», между техническим уровнем страны и ходом классовой борьбы в ней.

Если кто-нибудь глубоко понимал действительно огромные, необъятные трудности для диктатуры пролетариата и для строительства социализма в технически и экономически отсталой стране, то это был В. И. Ленин. Вся его деятельность в течение не одного десятка лет, вся выработанная им линия большевизма—союз пролетариата с крестьянством на всех этапах революции—говорит, как нельзя лучше, об учете им этой основной особенности исторического развития России.

Как же он решал вопрос о наших трудностях, вполне понимая их?

В заметках «О нашей революции» («По поводу записок Н. Суханова». 16 января 1923 г. Собр. Соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 110—111) Ленин писал:

«Например, до бесконечия шаблонным является у них довод (у мелко-буржуазных демократов. Ред.), который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученные» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации».

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, посят-ся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно же является решающим для оценки нашей революции».

«Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой

замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив писал такой «марксист», как Маркс, в 56 году по отношению к Пруссии?»

«Что если полная безвыходность положения, удесятворя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?»

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». (Соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 118—119).

«Бесспорно положение», говорит Ленин, что Россия «не достигла» такой высоты развития производительных сил, культуры и цивилизации, при которой возможен социализм. Однако, мы можем «двинуться догонять другие народы» в этом отношении, потому что основные «предпосылки» для достижения необходимого уровня культуры мы завоевали в Октябре 1917 года.

В ленинской постановке вопроса даже и тени нет того утверждения, что внутренние противоречия в нашей стране для нас неразрешимы, что внутренние трудности неодолимы, что мы не сможем вылезти из современной технической и экономической отсталости. Наоборот, всякий, кто прочтет статью по поводу записок Суханова, скажет, что она проникнута твердой уверенностью в том, что мы вылезем, победим, «дорастем» до социализма, сумеем использовать те «шансы», которые дала нам в руки история.

В нынешний период затяжки международной революции, вопрос о внутренних движущих силах русской революции, всем ходом вещей ставится в порядок дня: частичное восстановление, стабилизация капитализма в мировом масштабе ставит перед нами вопрос: сумеем ли мы продержаться известный, может быть, долгий срок, до победы мировой рево-

уюции? Куда пойдет кривая нашего развития за этот период: вперед — к социализму, или назад — к капитализму? Вынуждены ли мы будем, внутри страны, «отступать», или сможем и будем «наступать» на рельсах нэпа? Ускорим ли мы победу международного пролетариата наглядным фактом роста социализма в России, или деморализуем международную революционную армию фактом нашего распада, разложения и падения?

Яд сомнения в наличии объективных предпосылок внутри нашей страны для того, чтобы кривая нашего развития не повернула, в конечном счете, вниз, а шла неуклонно вверх, — этот яд сомнений в текущий тяжелый период мировой революции проникает и в ряды нашей партии.

Первая оппозиция, которую партия имела после ухода от нас Ильича, проявила эти сомнения, когда она пыталась воскресить в партии старую теорию троцкизма, которая гласила:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

В 1922 году (в предисловии в книге «1905») эта теория получила такую формулировку:

...«Для обеспечения своей победы, пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Раскол между пролетариатом и крестьянством неизбежен, основания для него «с необходимостью заложены» в нашем социальном строе, противоречия между рабочими и крестьянами России разрешит только международная революция, у нас нет объективной возможности их разрешить самим: как бы мы ни пытались «предупреждать раскол», кривая нашего развития неизбежно повернет вниз, нас взорвут внутренние силы, если нас не спасет международная революция, — такова эта позиция, в корне противоречащая ленинской позиции, ясно-

видящей объективную возможность двух исходов классовой борьбы внутри России.

Новая оппозиция 1925 года в новой форме поставила тот же вопрос и обнаружила, по существу, ту же самую ошибку. Именно то же самое непонимание перспектив развития классовых отношений в Советской Республике содержится в той точке зрения, будто бы «мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция» ¹⁾.

Разумеется, трудности, лежащие перед нами внутри страны, громадны, и всякая недооценка их, всякий «ура»-оптимизм со стороны правящей партии был бы губителен для диктатуры пролетариата. Выяснение действительных размеров трудностей, проистекающих в первую голову из нашей технической и экономической отсталости, заслуживает только приветствия со стороны партии, в особенности если бы оно сопровождалось предложением программы мер, способных двинуть вперед дело преодоления этих трудностей. Но есть глубокая разница между практическим указанием на эти трудности, тактически-политическим «ударением» на них (чтобы партия «не зазналась»), с одной стороны, и общей перспективой, которая внутри страны видит объективные основания к нашему падению («не справимся»), но не видит объективных предпосылок для иного, победоносного исхода,—с другой.

Это есть слепота на один глаз по отношению к внутренним движущим силам нашей революции, и партия, отдающая неустанной борьбе за эту победу все свои силы, не может такую слепоту принять.

Мы ведем политику развития социализма в нашей стране, исходя из убеждения, что объективные предпосылки для построения социализма есть, что они вызревают с укреплением диктатуры пролетариата, что технику мы можем развить, что нашу техническую и экономическую отсталость можем преодолеть. Поэтому, наша тактика, наша новая экономическая политика в ее основе, не есть тактика и политика отступательная. Ошибкой оппозиции была попытка видеть в отступлении—основную черту новой экономической политики. На рельсах напа мы и «отступали» (с 1921 года), и переходили от «отступления» к «перегруппировке сил» (начало 1922 г., см. речь Ленина об этом на XI съезде партии) и «наступаем» сейчас в смысле увеличения доли и веса социалистических элементов в нашем хозяйстве.

¹⁾ См. об этом в «Ответе МК ВКП(б) на письмо ленинградской губпартконференции». «Правда», № 291 от 20 декабря 1925 года.

Скептицизм по отношению к перспективам и возможным постям удержания власти и строительства социализма в нашей стране проявился у новой оппозиции также в крайне своеобразной форме, в невероятно-абстрактной, отвлеченной постановке вопроса о победе социализма в «одной» стране. Все сходилось на том, что окончательная победа социализма в одной стране, в смысле закрепления победы и гарантий от возврата капитализма, невозможна без мировой победы пролетариата. Но представители оппозиции шли дальше, утверждая, что в «одной стране» возможно построение социализма «неполного», но не возможно построение «полного» социализма. Имелась в виду при этом, не отсталая страна, а страна «вообще», и не коммунизм (осуществление которого наступит, вероятно, не быстро даже и после победы мировой революции), а социализм, первая начальная стадия коммунизма,—обобществление всех средств производства, как залог уничтожения классов.

Вопрос был поставлен, повторяем, в нелепую плоскость гаданий и предсказаний о том, что «вообще» «может» быть. Мы знаем, как Маркс и Ленин презрительно отзывались о фантазерстве относительно сроков появления и форм будущего социалистического общества, устанавливая лишь основные тенденции общественного развития, формулируя лишь основные принципы будущего строя. Оппозиция не проявила понимания того, что вопрос о строительстве социализма в одной стране есть вопрос борьбы пролетариата в конкретных условиях, в конкретной обстановке и что пытаться заранее теоретически установить «предел» строительства социализма в одной стране «вообще», в капиталистическом окружении «вообще», пытаться здесь «развить» и «дополнить» учителей социализма—занятие мало-полезное и чисто-академическое. Академическое, чисто-профессорское это дело именно потому, что практически-то нам до «полного» социализма еще очень далеко и «бояться» (!), как бы мы его не осуществили «чересчур скоро», нет, положительно, никаких оснований,—к сожалению, конечно.

Практически же у нас стоит вопрос о том, как мы сейчас строим и будем строить социализм, где у нас сейчас уже имеется социализм, где его нет, а есть капитализм или еще до-капиталистические формы хозяйства. Вот в этом-то вопросе, более близком для нас, чем полный социализм, опять-таки, напутала оппозиция, попытавшись об'явить наши национализированные советские предприятия государственным капитализмом, а за одно этим же термином покрыть и весь наш хозяйственный строй, игнорируя ленинское определение госкапитализма, как одного из пяти имеющихся в нашем хозяйственном строе «общественных укладов» или элементов. В дис-

куссии была достаточно выяснена вредоносность такой путаницы понятий, в особенности с точки зрения воспитания молодежи и новых пластов рабочего класса, приходящих на нашу фабрику из деревни.

Довольно остро проявился скептицизм оппозиции в отношении перспектив социалистического развития страны в вопросе о кулаке.

Рост кулачества и рост дифференциации в деревне есть, действительно, одно из важнейших новых явлений за годы нэпа и за последний период в частности. Но размеры этого роста и кулацкая опасность были преувеличены и раздуты оппозицией подобно тому, как оппозиция 1923 года раздула размеры и опасности, идущие от частного торгового капитала.

Сосредоточивая внимание партии на факте количественного роста кулачества, оппозиция затушевывала роль середняка, как «центральной фигуры нашего земледелия» (Ленин), и тем самым впадала в неверный тон в вопросе о самом характере кулацкой опасности в настоящий момент и о методах ее преодоления.

Во-первых, не было проявлено достаточного понимания того, что центр тяжести политики партии в деревне лежит в том, чтобы, опираясь на бедноту, отвоевать на сторону пролетариата среднее крестьянство, что борьба с кулаком в настоящих условиях есть прежде всего борьба за влияние на середняка.

Во-вторых, вместо подчеркивания мер экономического регулирования и воздействия со стороны пролетарского города на деревенский капитализм, оппозиция напоминала партии о политике по отношению к кулакам времен 1918 года.

В-третьих, основное средство нашей борьбы с ростом капитализма в деревне, — средство «перегнуть» развитие производительных сил деревни на социалистические рельсы, — кооперацию — оппозиция в своих ответственных выступлениях отводила на задний план, либо трактовала ее исключительно как форму развития капитализма, подчеркивая в ней капиталистические тенденции и фактически проглядывая ту новую роль кооперации, которую она приобретает в условиях диктатуры пролетариата, роль, на которую указал т. Ленин.

Таковы основные политические черты уклона, наметившегося перед XIV съездом партии и развившего свою платформу на этом съезде. Очень характерно, что наряду с «левыми» нотками, в новой оппозиции был представлен и правый уклон в лице т. Сокольников, сторонника фактической отмены монополии внешней торговли и превращения наших государственных гостов в частно-хозяйственные организации. Такие выводы, пожалуй, наиболее последовательно согласованы с пессимисти-

ческой оценкой перспектив нашего развития, ибо если кривая его пойдет вниз, то почему бы, забежав вперед (или «назад»?), не сделать таких «уступок капиталу»?

Следует еще отметить тот характерный факт, что оппозиция, начав свои выступления (по вопросу об организационных выводах из дискуссии с т. Троцким) с якобы последовательной защиты ленинской идеи о монолитности партии, целиком и полностью отказалась от этой основной организационной идеи ленинизма, заговорив фактически о пресловутой «свободе группировок» внутри партии, забыв ленинский завет о единстве партии, об опасности фракционных группировок.

Логика положения показывает свою силу, а ленинизм—свое внутреннее единство, свою монистичность: отступлению от ленинизма в вопросах тактических соответствует отступление от него и в вопросах организационных.

Нет сомнений, что партия изживет и этот уклон. выйдет из борьбы с ним, в конце концов, еще более единой и окрепшей. Вопросы, поставленные в дискуссии,—коренные вопросы революции и ленинизма. Усвоение правильных ленинских взглядов на эти вопросы всей партией, каждым ее членом будет означать крупный идейный рост всей партии, рост, который будет иметь несомненные благоприятные последствия во всей нашей работе и борьбе.

На основе этого идейного роста партия укрепляет то коллективное руководство, без которого после Ленина невозможно мыслить себе нашу партию. Только такое коллективное руководство, руководство в лице выборных партийных органов, которым доверяет вся партия, ведет и поведет партию и революцию по ленинскому пути.

Трудности на нашем пути к социализму огромны, в частности—трудности внутренние, и в особенности—хозяйственные, вытекающие из технической и экономической отсталости страны. Но трудности эти никогда не должны приводить к утере перспектив нашего развития.

Хозяйственный рост нашей страны идет не по гладким рельсам, в нем неизбежны те или иные временные заминки, те или иные отклонения его от общей кривой,—они были и они будут. Подобная заминка была у нас в 1923 году («ножницы» и пр.). Тогдашняя оппозиция пыталась тогдашними трудностями обосновать неверные общие перспективы строительства социализма в нашей стране.

Как тогда поступила партия? Неправильные перспективы она отвергла, а трудности практически преодолела, подводя к ним по-ленински, и с точки зрения ленинской теории.

В 1925 году мы имели наш просчет в отношении плана хлебозаготовок, частичное нарушение экспортно-импортного плана и ряд явлений в хозяйственной жизни, связанных с этим. При этих симптомах хозяйственных затруднений, назревающих на фоне нашего хозяйственного роста, сопровождающих этот рост, новая оппозиция выступила так же, как и оппозиция 1923 года, с обоснованием неверных общих перспектив о непреодолимости внутренних трудностей и т. п.

Как поступила партия теперь? Она, опять-таки, отвергла неверную перспективу, способную только дезориентировать партию и сбить ее с правильного пути. А практические трудности, каковы бы они ни были, партия преодолет тем легче, чем решительнее ею отвергнуты неверные общие перспективы нашего развития и чем тверже вся партия усвоит подлинно-ленинские взгляды на пути строительства социализма в нашей стране.

В чем партия усмотрела „ликвидаторское“ безверие в социалистические пути нашего развития?

I.

В последней дискуссии был поднят вопрос о сущности ликвидаторства. Ликвидаторство—явление не новое в истории нашей партии. Кому неизвестно, что впервые это течение появилось в России после первой нашей революции, как результат поражения рабочего класса и крестьянства в их борьбе за буржуазно-демократический переворот? Но мы сделали бы серьезную ошибку, если бы сказали, что ликвидаторское течение того времени не имело исторических корней в прошлом. В действительности это ликвидаторство теснейшим образом связано с экономизмом, теоретическим выражением которого следует признать бернштейнианство, как отрицание борьбы за социализм вообще. Экономизм, меньшевизм, ликвидаторство, социал-шовинизм и, наконец, социал-демократический фашизм наших дней—все это, по сути дела, лишь конкретно-исторические выражения одного и того же явления, именно—бернштейнианства, как отрицания социалистической борьбы. Основная мысль бернштейнианства: «движение—все, конечная цель—ничто»—оставалась неизменной на всем протяжении эволюции оппортунизма вообще, меньшевизма—в частности.

В 1909 году Владимир Ильич, определяя понятие ликвидаторства, писал:

«Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и в частности в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции»...

«Организационно—ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной с.-д. партии и связанное с этим отречение от Р. С.-Д. Р. П., выход из нее, борьба против нее».

Как видно из подчеркнутых нами слов Ильича, он рассматривает ликвидаторство наших меньшевиков, как частность, как конкретно-историческое выражение их оппортунизма вообще, т.-е. как частную историческую форму бернштейнианства. Смысл его критики ликвидаторства был таков: «Вы отрицаете за пролетариатом роль гегемона в буржуазно-демократической революции; не вздумайте, однако, утверждать, что ваш грех только в этом и заключается. Нет, ваше отрицание идеи гегемонии пролетариата есть вместе с тем «отрицание классовой борьбы социалисти-

ческого пролетариата вообще», ибо путь к победе социализма идет через борьбу революционных сил нашего общества под руководством рабочего класса не только в социалистической революции, но и в революции буржуазно-демократической».

Вот почему, говоря о ликвидаторских настроениях наших дней, мы говорим о «ликвидаторском безверии в социалистические пути нашего развития».

Вопрос, следовательно, стоит так: кто в наше время выражает настроения, могущие довести до отрицания того единственно верного пути классовой борьбы пролетариата, который (путь) ведет к социализму?

Иные полагают, что ликвидаторские настроения современности имеют своим источником необузданный социалистический оптимизм. Они говорят, что «оптимисты от социализма», ложно оценивая возможности строительства социализма в национально-государственных границах, преувеличивая действительные достижения пролетарской революции в «национальной» фазе ее развития, сбиваются с верного пути движения к окончательной социалистической победе и тем самым вредят великому делу рабочего класса, т.-е. объективно вступают на ликвидаторский путь.

Вот как выражает это один из наиболее неумных, но зато более откровенных критиков линии ЦК.

«В настоящее время мы в праве были бы назвать ликвидаторскими такие взгляды, которые бы заявляли (!), что мы находимся сейчас уже в обстановке полноправного (!) социалистического хозяйства». («Ленинградск. Правда», 10 дек. 1925 г., ст. М. Цвибака).

Та же самая мысль высказана в письме Ленинградской Губпартконференции (см. «Правду», за 20 декабря с. г.). «Те «оптимисты», — пишется в этом письме, — которые в противоположность «пессимисту-Ленину» доказывают, будто у нас уже кругом социализм, оказывают плохую услугу делу подлинного строительства социализма».

Оба эти утверждения, к счастью для партии, не имеют под собою никакой почвы. Такого течения в партии, которое бы имело своим источником социалистический оптимизм, не установить сейчас никаким исследованием, как бы тщательно оно ни было сделано. Никто, нигде до сих пор не утверждал еще, что наш союз — уже социалистический рай. Ведь нельзя же сказать, что товарищи, считающие вместе с Лениным наши госпредприятия «предприятиями последовательно-социалистического типа» и полагающие в соответствии с действительностью, что наша социалистическая госпромышленность начинает задавать тон всей нашей экономике, — являются «оптимистами-ликвидаторами». Поэтому мы в праве заявить, что, рассуждая об источнике современных ликвидаторских настроений, Цвибаки ни на шаг не выходят за пределы своей фантазии.

«Оптимистическое» ликвидаторство пока что голая выдумка. Ликвидаторские же настроения пессимистов — факт. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать то, что писалось за последнее время, например, т.т. Залуцким, Саркисом, Сафаровым и многими другими. В своем ответе ленинградцам МК ВКП (б) устанавливает этот факт с полнейшей очевидностью. Для нас

вопрос сводится, таким образом, к тому, чтобы показать, что представляют собою современные ликвидаторские настроения, в чем состоит их идейное содержание. К разбору этих вопросов мы и переходим сейчас.

Коренной источник «ликвидаторских настроений» лежит в пессимизме. А пессимизм этот коренится в ложном понимании конкретного пути развития социалистической революции. Сущность этого ложного понимания состоит в ошибочной оценке соотношения национального и интернационального в пролетарской революции, а во-вторых, в непонимании отношения эволюционных методов к революционным после победы пролетариата над буржуазией. Разберемся сначала в первом из этих вопросов. Ясно, что в зависимости от того, как мы решим этот основной вопрос, будут решаться нами все вопросы политики и тактики нашей партии в переживаемую нами эпоху. Прежде всего мы должны спросить себя, как решал этот вопрос Ильич. В 1915 году он писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств¹⁾».

Это пророческое рассуждение Владимира Ильича замечательно в том отношении, что здесь возможность победы пролетариата в одной стране выводится в качестве следствия из внутреннего закона развития капитализма. Еще замечательней в этом рассуждении то, каким образом т. Ленин увязывал национальное в пролетарской революции с международным. Мало того, что он разрушил здесь с.-д. догму о том, что пролетарская революция должна вспыхнуть и победить сразу в ряде стран и, при этом стран наиболее развитых в капиталистическом отношении. Важно иметь в виду еще то, что пролетарская революция, протекающая в определенных национальных рамках, «организует у себя социалистическое производство» и всячески помогает пролетариям других стран, вовлекая их в борьбу с капиталистами.

Здесь перед нами возникает вопрос о возможности победы социализма в одной стране. Этот вопрос имеет две стороны. Во-первых, он может быть поставлен так: как далеко может пойти в своем социалистическом строительстве победивший в данной стране пролетариат? С точки зрения диалектики такой вопрос, т.-е. вопрос об априорном, если позволено будет так выразиться, установлении границ размаха революции нелеп. Но этот вопрос поднимался и именно в такой нелепой постановке не раз в истории нашей партии. Так же ставится этот вопрос некоторыми членами нашей партии сейчас. Кое-кто умудряется даже самым точным образом установить предел социалистического строительства в одной стране. Напомним, что Владимир

¹⁾ Н. Ленин. т. XIII, стр. 133.